

Евгений Збицкий

Чистилище

~~КАК СТАТЬ...~~

~~КАК НАУЧИТЬСЯ...~~

~~КАК УБЕДИТЬ...~~

Евгений Збицкий

Чистилище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39824946

ISBN 9785448577772

Аннотация

Этот сборник не претендует на признание высокого полёта мыслей. Эти стихи откроют вам нечто иное: вы увидите рядового человека, старательно играющего по законам Вселенной, но иногда не выдерживающего этой игры. Вы увидите меня в состоянии отчаянья, когда спасением является только лист бумаги и ручка. Вы увидите меня живым.

Содержание

«Пестрит переливами...»	6
«Чему удивляться? Давно известно...»	9
«Меня так мало в твоём мире...»	11
«Асфальт, дорога стелется...»	14
«Мысли, цветными стикерами под кожу...»	17
«Чистилище. Густой и едкий дым...»	19
«Ты знаешь, в наших жизнях не так много сложного...»	20
«Минутная слабость разлилась печалью...»	23
«Моя память под властью ночи...»	25
«Иль слишком много перенёс...»	27
«Декабрь стал непрочитанной весной...»	29
«Милая, добрая, нежная...»	31
«Тусклый свет сигаретной свечи...»	33
«Ничего не осталось, и умер внутри...»	35
«Не на шутку разыгралась осень...»	37
«Иван Иванович для всех был никем...»	41
«Неказисто как-то... Небо ясное...»	44
«Нежность рук, чуть приподнятый взгляд...»	47
«Холодный блеск иглы, кричать уже нет силы...»	49
«За окном луна скорчила мину...»	50
«Я не изменился, нет-нет...»	52
«А я влюбился в свою боль...»	54

«Не спеши хоронить осень...»	56
«Грусть ударила одинокого волка...»	58
«Я сплю, и мне снится ветер...»	60
«Ты позови меня по имени...»	62
«Помоги мне подняться с колен...»	64
«Мабыць нехта вырашыў, што так і будзе...»	66
«Сколько стоит наша жизнь?...»	68
«В автобусе было слишком душно...»	71
«Сколько раз я уже писал об этом...»	74
«Мне важно, как ты засыпаешь в этот момент...»	76
«Наверное, пришел и мой час...»	78
«Я попробую еще раз...»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Чистилище

Евгений Збицкий

© Евгений Збицкий, 2018

ISBN 978-5-4485-7777-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Пестрит переливами...»

Пестрит переливами,
Красками мнимыми
Бурлящая жизнь за окном.
Мы вроде счастливые,
Добрые, милые,
Друг с другом, кажись, заодно.
Мы ввысь вереницею,
Чистой страницей,
Руки всё тянем вперёд.
Нам всем бы открыться,
На землю спуститься,
Сказать: «Здравствуй, близкий народ!»
Спешим, не успеем,
Нас греют идеи,
Что надо стремглав убегать,
Туда, где теплее,
Туда, где все верят,
Что можно свободно летать.
И мы так усердно
И с криком победным
Сбиваем подошвы ног.
Но видим лишь, верно,
Всё старо, безмерно,
Полоски из сотен дорог.

Нам взять бы, решиться
И остановиться.
Стоп-кран – на привычный маршрут.
Увидеть, что к лицам
Не надо стремиться,
Все здесь, совсем рядом бегут.
Но мы же не верим
В открытые двери.
Прекрасно лишь там, где нас нет.
Отбросим затею
Хранить, что имеем.
Бежим! Там виднеется свет!
Вся жизнь по стандарту,
Закрыты все карты,
Всего нужно только бежать.
Побольше азарта!
На максимум старты!
Нас рай ждет, друзья, ...вашу мать!
Не надо стесняться,
Не время для танцев,
Для взглядов друг другу в сердца.
Как сложно признаться:
Боимся остаться
Собой от начал до конца.
Мы в бешеном ритме,
В усердной молитве,
Не знаем, чего мы хотим.
Но все вроде в битве,
Откроем калитки!

Вперёд, если все? – Побежим!
А мне неохота,
Сегодня суббота,
Куда-то всем миром бежать.
Мне большей свободой —
Отбросить заботы
И близкую душу обнять.
Накрыть одеялом
От ветра устало,
На две части – общий обед.
Здесь времени мало
Единым запалом
Встречать одинокий рассвет.
И большего счастья
В погоду, в ненастье,
В забеге, поверь, не найти.
Долой все напасти!
Отбрось всеучастье!
Сойди с скоростного пути!
Пойми, что нет риска!
Совсем, очень близко
Находится тот, кто с тобой.
Уютно, не быстро,
Без гулов, без свистов
Подарит искомый покой.

«Чему удивляться? Давно известно...»

Чему удивляться? Давно известно:
Каков бы ни был мир твоей души —
Пусть без изъянов, подлости и лжи —
Он не в цене, коль ты с другого теста.

И если твой окрас иного склада,
А каждый шаг – в иные параллели,
Ночами, лёжа с грустью на постели,
Ты будешь брошен всеми без пощады.

И, отбивая в пустоту поклоны,
Стучась туда, где точно не откроют,
Оставив пустошь глаз и в окна воя,
Ты – белая ненужная ворона.

А можно ли взлететь, не видя крыльев,
Не чувствуя опоры возвращения,
Когда ты брошен всеми, даже тенью,
И сердце задыхается от пыли?

Нам всем нужны похожие персоны,
Хотя бы на процентов восемнадцать,
Чтоб было, у кого в душе остаться,

И с кем курить ночами на балконах,

Тереть о брюки потные ладони,
Чтобы вода для сжатий – не помехой,
Делясь секретом счастья и успеха,
На общеизвестном жизни троне.

Как не менял бы мир свой вид и кредо,
Одно осталось вечно неизменным:
Что людям нужны люди в мнимых стенах,
Неважно, ночью, днём, зимой аль летом.

И сколько бы ни жаждали быть крайним,
Без человека человеку худо,
И даже вера хоть в Христа, хоть в Будду,
Нам не заменит рядышком дыхания.

Семь миллиардов душ в одной квартире —
Для счастья хватит двух-трёх под одеждой,
В сердцах, где не иссякла вся надежда,
Что мы не одиноки в этом мире.

«Меня так мало в твоём мире...»

Меня так мало в твоём мире,
Лишь уголка край для итога.
Зато в моём больном трактире
Тебя осталось слишком много.

Запретный плод всегда приятен,
И тянутся невольно руки.
Явление великой стати
В сезонной для души разлуке.

Мы чертим грани, убегая
Встречать фрегаты у причала.
Ты не чиста, но всё ж – святая
В моих упитых тьмой подвалах.

Коленями в порог уткнувшись,
Вслепую закрываясь в клетке,
Я знаю: так мне будет лучше —
В мире твоём марионеткой.

И по этапу дней безликих,
Высокомерием питаюсь,
В моих глазах застыли крики
Любви к тебе. Запомнил, каюсь.

На кратерах аорт сердечных
Осядет смол в шесть миллиграммов.
В ближайший год твержу беспечно:
«Любви достойна только мама».

В сознании всплывёт ретиво
Твой образ, как иглой под кожу.
И снова дней моих архивы
Погрузятся в владенье дрожи.

Забыто всё. Под солнцем место
Уж кто-то занял, прогибаясь.
И как-то словно в жизни тесно,
И я забыть тебя стараюсь.

Нас не было и нет. Не нужно
Пытаться мне придумать счастье.
В глазах есть мрак, голос простужен.
Ненастье, милое ненастье...

Побудем вместе в звуках лиры,
В сию реальность верить буду.
Я помню, что в одной квартире
Забавно бить с тобой посуду.

Я не курю – ты запретила.
Согласен, вру – скупаю блоки.
Наверное, и правда мило

Искать в себе любви истоки.

Всё, выдохся, на две недели
Могу ходить с хорошей маской.
В дворах гоняет дождь качели
И наполняет воздух краской.

«Асфальт, дорога стелется...»

Асфальт, дорога стелется,
Играет джаз в наушниках,
Погода: ветер-мельница,
Все вызовы пропущены.
Шаги чуть опрометчивы,
С незнанием географии.
Бегут от власти вечности
Печали тёмной мафии.
Красивые прохожие
Без глаз пестреют красками.
Мы очень все похожие:
Несчастные, но страстные.
На небе солнца юный блик
Лучами разлетается.
Естественно, живой старик,
Давно пора покаяться.
На остановке контролёр
Встречает «зайцев» с бодростью.
На лавке пара, и задор
В глазах без капли робости.
Октябрь кофейный аппарат
Поднял в свет популярности.
Не дремлет наш военкомат —
В бойцах не видно радости.

Наш мир, как танец наобум:
Любой под свою дудку.
И чуть не то – так сразу в шум,
В обиды-незабудки.
И я бегу, бегу, бегу
Куда-то и откуда.
Наверное, ещё смогу
И дальше по маршрутам.
Сезон души не отменить,
Не спрятать в долгий ящик.
Я буду жить, я буду жить,
Я буду настоящим!
В надежде стало много букв,
И вера на спасение
Эпически сломала круг
На двадцать три рождения.
Плывут эмоции из дыр,
Как крысы с лодки сломанной,
Заканчивает сагу пир
Бумагой разрисованной.
Как скоро чаша-решето
Упустит твердь последнюю,
Не знаю. Натяну пальто
И опишу всё бреднями.
Дорога скажет лучше всех
О мыслях нескончаемых.
Упущенная вера в верх
Растаяла с отчаяньем.
Я в небо прыгну на авось,

Дыша воспоминаньями.
Надежда шагу стала врозь,
Во тьме ночной скитаньями.
В наушниках играет джаз.
Я не люблю, но слушаю,
Как кто-то проиграл за нас,
Куплет равнодушия.

«Мысли, цветными стикерами под кожу...»

Мысли, цветными стикерами под кожу.
Избавившись от влияния мира,
Нас ночью не тьма тревожит,
Отнюдь не небо сапфира.

Мы ветер глотаем губами,
Картины расплывшейся стати.
И бьёмся отчаянно лбами,
Устало и тихо в тетради.

Музеи из лиц забытых
На улице шатких строений.
Сидим у гнилого корыта,
Лишённые всяких стремлений,

И чертим развилки и тропы,
В теории на них ступая.
Разыгрывают лоты,
Счастливый билетик к раю.

Граница, шлагбаум, охрана.
Подпрыгну! – увидеть охота
Заветный мир киномана,

Внедрённого в Родины броды.

Все мусорки с верхом – хватит,
Суббота прошла успешно.
Небесной зеркальной глади
Достался один приспешник.

Веревки на радугу бросим,
Цепями в будни затянем.
В дороге все знаки сносим,
Упали – встряхнёмся, встанем.

Лирическое отступление:
Любовь, помидоры, свадьба.
Несчастное поколеньё
В покоях моей усадьбы.

Три пачки персена – спокойно,
Теперь не опасен для общества.
Достойно ль иду? Пристойно...
Сто лет, Габриель, одиночества.

Бутылка, стакан из пластика,
Мирок на пьянеющей пристани.
Не стих, просто фантастика.
Осудят, понравится, выстрелит.

«Чистилище. Густой и едкий дым...»

Чистилище. Густой и едкий дым,
Продажных душ истерзанные вопли.
Стоит старик и ждёт, а рядом с ним
Маленький мальчик вытирает сопли.
Не слышать его слёз, увы, не мог
И, очередь покинув, подошёл.
В глазах вопрос: куда же делся Бог?
И кто мальчика в чистилище привёл?
Невольный узник проклятых времён,
Он здесь стоял и мне смотрел в глаза,
Пытаясь осознать, что за закон
Так рано отправляет в небеса?
Он был здесь тем, чем на Земле б назвал я
Оазисом в пустыне серых луж.
Старик был поводырь, и он, свинья,
Втирал мальцу про вечность наших душ.
Малыш пропал, а я ушёл, надеясь,
Что он вернулся и собрал мечту.
И я вернусь, ведь в это точно верю.
Ну а пока сижу и просто жду.

«Ты знаешь, в наших жизнях не так много сложного...»

Ты знаешь, в наших жизнях не так много сложного,
Существуют лишь день и ночь, и мы в них – словно
фигуры шахмат.

Нам кажется всё очень серьёзным, переливаем из пустого
в порожнее

И пережёвываем через себя всё, преувеличивая в сто
крат.

Казалось бы, рождаемся, растем, стареем и умираем,
И цель одна – просто счастьем научиться да времени
отведённому улыбаться,

А мы спешим, спешим, спешим, и время пробегает,
Да только бежим, не зная куда, живём, не зная как, да сны
не те снятся.

А каждый июль, когда солнце заставляет снимать одежду,
Из гнёзд совершают первый полёт птенцы неопытные.

И мы неопытными птенцами всю жизнь лелеем надежду,
Что всё получится в один миг, быстро, с искрой
безропотной.

Проскочил дорогу на красный и думаешь: «Всё, удача
в кармане!» —

Не переживай, человек, другая машина собьёт.
Не обманывая мир, себя обманывать не перестанешь,
Давно оформленный судьбы водоворот.

Нет открытых дверей, потаённых лазеек и выходов,
Сакральных тайн, уникальной информации.
И, как бы мы не бросались в беснующийся материализм
с выпадом,
Мы умираем, а мир не лишается природной грации.

Нам стоило бы остановиться на миг и вдохнуть глоток
утреннего воздуха,
И на секунду, щелчком в глубине наших
черствеющих душ,
Осознать: то, что ищем весь путь, для чего и созданы,
Находится вокруг, в отблеске весенних луж.

Ни один не сможет купить небо,
Или запретить весну, или муравьям держаться друг
за друга.
Это мы, глупые, гоняясь за лишним куском хлеба,
Думаем, что ползём вверх, но бежим как псы по кругу.

Забавно то, что искать ничего не нужно,
К душе незапятнанной всё само стремится.
Только кто на сегодня, когда от мрачности прохожих
душно,
Может чистой душой похвалиться?

О нет, конечно, мы же все чисты, как капли родника,
Походы в церковь по воскресеньям работают
корректором на бумаге.

Да только как безумно далека

Пора, где души не распластаны на плахе.

Кто знает, может птицы учатся летать

Лишь потому, что находиться с нами рядом

И также с деловитостью сновать —

Для них не самая хорошая награда.

Им лучше в небо, там свободней мир,

Смотреть на нас можно, как на бесполезные точки,

Так значит не ворона глупа была в басне про сыр,

А семь миллиардов нас и погоня за сырными комочками.

Менять ничего не надо, пусть останется так,

Я думаю, и писать не стоит – пора бежать
в неизвестность.

Что же получается: это мир глупый, или я – дурак,

Пытающийся выразить ума трезвость?

Глупо всё же, зачем кричу, чего добиваюсь?

Написал, сохранил, прочел пару раз – всё, распрощался.

И ведь особо не вскрываю душу здесь, не каюсь,

А кажется, кусочек меня здесь всё-таки остался.

«Минутная слабость разлилась печалью...»

Минутная слабость разлилась печалью,
Под ноги опавшими листьями.
И что было близко – увиделось далью,
В ночи недошедшими письмами.

А звёзды горели! Взрывали сияньем
Пробитую мраком тропинку.
В моменты, когда умерло покаянье,
Герой стал пустой невидимкой.

И плакали окна, срывая потоки
На шаткие сточные трубы.
И с ночи на день волочились пороки,
Врастая клыками на губы.

Зачем было ждать откровения света
Когда страсть во власти закона.
В прошедшей неделе, где нас уже нету,
Пусть осень наденет корону.

Вновь станут чужими открытые двери,
Откуда глаголят с издёвкой.
В той ауре, где лучше идти вперёд зверем,

Нужна заводская сноровка.

Когда тебе скажут: «Get out, dear Hero», —

Подумай, финалом не веет?

Коль нет, тогда крепче в кулак сжимай нервы,

И помни – кто снизу, тот блеет.

И пусть твои слабости льются печалью,

Её растрянжем усладой.

Ты лишь не забудь в миг, когда станешь сталью,

Что в жизни твоей есть награда.

«Моя память под властью ночи...»

Моя память под властью ночи
Обнажает забытые раны,
Я скучаю, милая, очень,
И скучать уже не перестану.
Я ни дня без своих сожалений
Не оставил с прошедшего мая.
Мы сегодня давай без прощений
Вспомним наши творенья рая.
Ты была в этом мире моею,
Я был твой, без остатка, до дрожи.
Нам не верили, мы же верили,
Что сердца как две капли похожи.
Мало слов, больше тихой обители.
И дыхание счастья безбрежное,
Мы, наверное, стали б родителями
Наилучшими, самыми нежными.
Я тебя уж совсем и не чувствую,
Ты во снах не приходишь с посланием.
Разделять любовь старую, грустную,
Не хотим также рьяно, как ранее.
Мне другая рукою неродственной
По щеке гладит, смотрит с надеждой,
Что раскинусь пред нею россыпью
Из эмоций любви безмятежной.

Мы забыли, что битву усердную
Затевали и замки строили.
Возвели кое-как, худо-бедно,
Без окон, без кровати, без столиков.
Но дороже для душ, пропитанных
Эйфорией, не было творения.
Мы замученные, избитые,
Наблюдали за ним с упоением.
Как же случилось, что это разрушено,
Что не нужно, что быстро заброшено.
Два черствеющих сердца на ужине,
На когда-то любви огне сожжены.
Скоро год второй душу замучает,
Мне напомнит опять об утраченном.
Ты всегда будешь самую лучшую,
Ты всегда будешь самую значимой.
Я любить обещал тебя, с вечностью
Разделить твоё имя. Что ж, в памяти
Я кричу: «Милый друг, в бесконечности
Я люблю тебя, вечным изгнанником!»
Стань же светом моим на прощание,
Прикоснись, обними, будто мир затих.
В этих строках не видно раскаянья,
Значит, вряд ли когда-то поверят в них.
Я последней искрой, серой проседью
Протяну тебе руки с раскаяньем.
В нашей общей любимой осени
Не могу я сказать «до свидания».

«Иль слишком много перенёс...»

Иль слишком много перенёс,
Иль слишком много недопонял.
Пять литров крови, мизер слёз,
Как много алчности и соли!
Не стонет больше неба край
Забывтой птицей о спасении,
Прогнивший мир, ну что ж, прощай,
Я пред тобою на коленях.
Сто лет в оковах наяву,
С иссохшей раной вместо мозга.
Весь мир плывёт, и я плыву
Отчаянно внимая звёздам.
Уж четверть века позади.
Живём, надеясь на луч света.
Прости мой мир, мама, прости,
За то, что больше меня нету.
Крошится пепел между строк,
Сжигает все мосты, наверно.
Когда я день тянул в порок,
Меня спасала только вера.
К чему слова? Хроника чувств
Ложится в холст зеркальной глади.
Осталось что? В мире искусств —
Кофе, табак и лист тетради.

«Декабрь стал непрочитанной весной...»

Декабрь стал непрочитанной весной,
Непонятой, неожиданной, слишком мокрой.
Мой друг! Мне очень хочется домой.
В вагоне пальцем по застывшим стеклам

Писать, как тянет встретить тот рассвет,
Где аура чувств вселяла беззаботность,
И солнце, в глаза светлые «привет»
Дарило радостно, искристо, мимолетно.

Под теплый ветер в поле босиком,
Искать фигуры в облаках с улыбкой,
Молить, чтоб не было всё сном,
Фантазией на чьих-нибудь ошибках.

Затем пусть дождь, пусть капли за окном
Заставят заварить кофе покрепче.
Стоять, смотреть и думать об одном:
Что впереди – чарующая вечность.

Под вечер тучи лягут на покой,
И небосвод, усеянный цветами
Из звезд, останется в компании со мной,

Укрыв собой, ночными лепестками.

Я растворюсь, ведь мир сегодня мой!

Душа кричит, внимая настроенью.

Я так хочу туда, хочу домой,

Да только я не знаю направленья.

«Милая, добрая, нежная...»

Милая, добрая, нежная,
Памятью неутраченной,
Ждешь ли, верой безбрежную,
В сердце любимого мальчика?
Бьется ли силой неистойой
Птица надежды без времени,
В небо лазурно-чистое
В мире без тяжкого бремени?
Радость моя бескрайняя,
Знаешь ли, с каждым возгласом
Чувства совсем не случайные
И не иссякли досыта.
Девочка чистая, верная,
Помнишь ль, что нет безвозвратного,
Что между мрачными стенами,
Светит огонь стоекратно нам?
Снюсь ли, как ты мне, душа моя,
Бьешься ль в тоскливом молчании?
Я тебя помню день ото дня,
В жажде обнять отчаянно.
Ласковая, безмятежная,
Солнце поднимется заново!
Милая, добрая, нежная,
Мы – это самое главное.

«Тусклый свет сигаретной свечи...»

Тусклый свет сигаретной свечи.

Я стою и мир заклинаю —
Меня срочно нужно лечить,
Потому что по ней скучаю.

Потому что в безумстве порой,
Ночным шепотом в мрак её имя
Я бросаю и, словно слепой,
Вслед за ним лечу, сердцем счастливый.

Я брожу незаметным глупцом,
По местам, где держал её руку.
Словно странник, ищущий сон,
Где нет места печальной разлуке.

Прижимая к губам цветок,
Запах в тысячный раз вспоминая,
Я в безумстве, и этот исток
Для души стал похлеще рая.

Слишком сложно, досадно... да ладно!
Важно то, что увидит она,
То, что с ней не бывает прохладно,

И как сильно она мне нужна.

Я прошу тебя, мир, помолчи!
Ты не видишь, как в небе парю я?
Нет, не надо меня лечить,
Потому что так сильно тоскую.

В моих стенах так мало света.
Весь, что есть, я ей посвящаю.
Пусть с печалью, но после лета
Я пишу – я безумно скучаю.

«Ничего не осталось, и умер внутри...»

Ничего не осталось, и умер внутри
Мой последний кусочек души.
Там все полки пусты, и покрыты в пыли,
И пропитаны магией лжи.

Всё теперь позади и уже не найти
Огонь дружбы и искры любви.
Я пишу не душой, мне не верь, Бог с тобой,
Мои мысли давно уж в крови.

Если проклятый я, что ж, спасайте себя
От гранитных и мраморных плит.
Я для вас – знак дурной, убегай же, не стой,
Моя ненависть свой суд вершит.

В этом мире один, как корабль среди льдин,
Я плыву, но не знаю куда.
Плачу только в ночи, когда свет весь молчит,
Это груз вечный, а не мечта.

Знаю, это прочтёшь, жмёшь плечами, и что ж —
Я ведь знал, что тебе не понять,
Как не хочется быть, как же хочется жить!

И как страшно, живя, умирать.

Чувств в душе не ищи, сломаны все ключи,
И навеки был заперт замок.
Я пропавший герой, пьесы кон жаль такой,
На Земле отбываю свой срок.

Мы забыли свой мир, даже двери квартир
Ненавидят входящих людей.
Наша сущность ясна: от рассвета до сна
Мы скитаемся между теней.

Мы чужие среди нас, общий милый анфас
Не укроет того, что в глазах.
Мы забыли про честь, нам бы спать где и есть,
И учиться летать лишь во снах.

«Не на шутку разыгралась осень...»

Не на шутку разыгралась осень,
Льёт потоками из сердца телеграммы.
То прижмёт к земле, то вновь подбросит,
То затянет, то откроет раны.

Очень много мыслей без основы.
Удивительно, что рифма держит марку.
С телефоном поделиться словом
Хочется в маршрутке, дома, в парке.

Много мусора в главе незаурядной,
Чашка чая – и вперёд без остановки.
Пусть немного грустно и прохладно,
Не утратил письменной сноровки.

Я пишу с разбегом ровно в сутки
Что-то для себя, а что-то – в массы.
Разыгались строки не на шутку,
Жаль, что большинство теряю сразу.

В сеть стихи сочатся осторожно,
Личности стараюсь не озвучить.
Просто одному прочесть текст можно,

А другим пустое нехрен мучать.

Мои темы ограничены по списку:

Я, мой мир, родители и ты.

И порой, подвергнув сердце риску,

В Интернет идут мои мечты,

И они завязаны до смерти,

С темами, что выше я учёл.

С вечной верой в шанс открытой дверцы,

С шепотом: «Простите. Я пришел».

Я по жизни идиот, не прекращая,

Не заглядываю в завтрашний рассвет,

Что имею, в глупости теряю

И пишу под дымом сигарет.

Видно, что исчезнуть будет лучше,

Перестать бить в раненые души.

Ненавижу наводить смурные тучи

Тем, кому был долго очень нужен.

Добрый день! Пустыня чувств нелепых,

Я вдруг извиниться захотел.

Долго насыщался я, как хлебом,

Из твоих животворящих стрел.

Я исполню долг перед душою,

Я опять кричать хочу: «Прости!»

Стыдно, если честно, пред тобою,
Что попался на твоём пути.

Занесло, ни капли не жалею,
Я влюбился и не совладать,
С тем, как среди пустых ночных скамеек,
Ты умеешь нежно обнимать.

Жаль, что твоих нервов я истратил
Столько, сколько тратят за всю жизнь.
Жаль, что в нашем мире должных статей
Не увидел сокровенный смысл.

Плохо, что родители поддержат,
Скажут тихо: «Ты держись, сынок».
Лучше скальпелем на клетку под одеждой,
Чтоб не ошибался больше впрок.
Странно, что опять начал об общем,
А закончил, как всегда, тобою.
Ты не забывай в психеях ночи
То, что я тебя совсем не стою.

То, что жду тебя, – моя проблема,
Пусть она останется со мною.
Жизнь – моментов красочных дилемма,
Как прожить их счастливо без боя.

Улыбнись, когда тебя замечу,
Если разрешишь, я подойду.

Спросишь: «Ждёшь ещё?», а я отвечу:
«Что за глупость! Ну конечно, жду».

Я опять писал стих хаотично,
Всё объял и ровно ничего,
Брошу в Сеть, но не для глаз публичных —
Хочется для взгляда одного.

Не люблю, что ты это читаешь,
Но всегда мечтаю, чтоб прочла.
Ты сама прекрасно понимаешь:
Для тебя написаны слова.

«Иван Иванович для всех был никем...»

Иван Иванович для всех был никем,
Он много пил и курил взятяжку,
И, в общем, всей его жизни плен
Крутился в дыме и полой фляжке.
Он был вороной среди ворон,
Стандартной массы, типичной окраски,
И не спешил, как и все, на трон,
И своих мыслей не тратил напрасно.
Он просыпался, работал и спал,
А большего, в принципе, и не хотелось.
Без искр в глазах и душа – вокзал
В обличьи сером нескладного тела.
Писал порой, неумело, как мог,
И не сказать, что от сердца лихого.
Не перечитывал ломаный слог
И не менял неуместного слова.
Был в меру сдержан и в меру глуп,
В меру уродлив, достаточно черствым.
Один из тысяч безмолвных слуг
Под властью цельного общества монстра.
Он жил на Масленой, в самом конце,
Где все дома – близнецы по строю.
Как хорошо, что в этом лице

Нашлась частичка общей истории.
Анна Петровна – лет тридцати,
Вполне солидная с виду дама.
Всё норовит на тленном пути
Сыграть поярче эмоций драму.
Воровка душ, совершая полёт,
Бросала в толпы свой шарм игриво,
Да только знала: никто не ждёт
В пустых и блеклых жилых массивах.
Да, они встретились. Вряд ли бы я
Стремился к речи о двух незнакомцах.
Они влюбились в конце октября,
Под холод жёлтого диска солнца.
Любовь витала в их разных сердцах
Часа четыре, минут семнадцать.
Они любили, не зная страх,
Без шанса утром вдвоём остаться.
Он цвёл павлином, она всерьёз
Думала в стан ворон перебраться,
Он хотел плакать, она – жить без слёз,
Она – стоять, он – кружиться в танце.
Как будто души сменили тела,
И им так нравилось, им так мечталось
Остаться в вечности. Прочь дела.
Мне не хватало тебя, не хватало.
Улица Масленая – длинный путь,
Меж двух начал расстоянье в тягость.
В её канонах нельзя чуть-чуть,
Влюбиться, бросить да тешить радость.

Рассвет надел на страну пальто,
В толпе прощались под блоки рекламы:
Иван Иваныч – для всех никто,
Анна Петровна – солидная дама.

«Неказисто как-то... Небо ясное...»

Неказисто как-то... Небо ясное,
А туман ложится, стелет просею.
Его вмиг дополняют лунной краскою
Одинокие звуки осени.

На полях безмолвных – лишь молчание,
Только коршуны – ввысь за добычею.
Не в цене в эту ночь покаяние,
Лучше «Винстон» и пачка со спичками.

А по куполу звезды рассеялись,
Наглым светом в себя заморозили.
Как же так, как они все посмеяли
Попросить нас в пустоты безбожные?

Ветра трепет под сердцебиение,
Ощущая утрату бесшумную,
Понимает, в чём моё спасение,
В вере только в любовь безумную.

Видно, он извещал недостаточно,
Видно, звезды не звали усидчиво.
Видно, небо не хмурилось красочно,
Не сжималось губами обидчиво.

И рассвет, приходя в окна комнаты,
Не старался, не бился в отчаяньи.
Или мало разлито вокруг воды,
И хожу, не напившись в скитании.

Нет, не надо искать лишних поводов,
Говорить: этот мир разгильдяйствовал.
Я не слушал, на мнимые проводы,
Не грустил, как обычно, а здоровствовал.

Я люблю. Это значит, что шаткий мир
Потерял для меня, чего не было.
На прилавке, я думал, лежит зефир —
Оказался черствеющим хлебом.

Закрываю глаза, держу за руку,
Наслаждаюсь дыханием ангела.
На уме лишь один вопрос: «Милый друг,
Я так ждал тебя долго, ты где была?»

Нет, неважно, есть только вот этот миг.
Я лечу, обнимая величие.
Я люблю, черт возьми, этот скудный стих.
Растерял размышлений приличия.

Сердце ёкает. Всё, теперь целое,
Не глядит в свет с ненужной опаской.
А туман уже лег плиткой белою,

Столь желанной, столь нужной краской.

«Нежность рук, чуть приподнятый взгляд...»

Нежность рук, чуть приподнятый взгляд,
Воплощение мира в ненастье.
Я безумно её видеть рад,
Рядом с ней – это всё моё счастье.

Дует ветер и днём, и в ночи,
И тогда, когда с ней я гуляю.
А в моменты, когда мы молчим,
Верю я, что меня понимают.

Снова мысли болтают о ней,
Совещаются с мозгом, глазами.
Ну а я всё скучаю сильнее
И считаю разлуку часами.

Обнимая её, ощущаю,
Как ликует под венами кровь.
И когда она рядом, я знаю
И я верю в земную любовь.

Я не знаю, что ждёт меня завтра
И как сильно разрушат мечты.
Но в душе я частичку оставлю —

Ту, в которой всегда будешь ты.

«Холодный блеск иглы, кричать уже нет силы...»

Холодный блеск иглы, кричать уже нет силы.
Дорога завершилась, и я в последний путь.
Немного отпустило, и вновь сюда, в могилу,
И вряд ли из неё уйду когда-нибудь.

Я пролетел февраль, и болью отстучится
Капель весны в душе, и нечего сказать.
Ещё раз слышу: сердце не перестало биться,
Последний трап опущен, и нечего сказать.

Вновь дозы счастья в кровь. Преобладанье мрака.
Последняя любовь столкнулась с тишиной.
Иду я, не боюсь ни смерти и ни краха,
Иду один, без чувств, с последнею иглой.

«За окном луна скорчила мину...»

За окном луна скорчила мину,
За рукой наблюдая с опаской.
Посмотри! Я рисую картину
Своей новой незыблемой краской.

Нету в ней одиноких солдатов,
Павших в битве в погоне за счастьем.
Шаткий мир одичавших приматов,
Растворился в лазурном контрасте.

В ней нет места для бурь и метелиц,
Нету нормы для мер и пропорций.
Псих-художник на мятой постели
Добавлял новый импульс эмоций.

Здесь сияют текучие воды,
Утопают в них звёзды игриво.
Ветер счастья, как узник свободы,
Накреньял городские массивы.

Больше радости, больше улыбок,
Больше света в глазах у прохожих.
Меньше слёз, меньше боли, ошибок,
Меньший смысл на крест «невозможно».

Я ценю этот мир, в нём оставлю
Только небо и кофе с корицей.
Замечая в моих стенах-ставнях:
Мой же мир начинает мне сниться.

Я вернусь, и с весенним рассветом,
Побегу на вокзал к своей кассе,
Улыбнусь и верну все билеты,
Приковавшие нас к этой трассе.

Я взлечу, испытаю на прочность
Свои крылья, порхая беспечно.
А пока на часах четверть ночи,
И мой мир – перекрашенный, вечный.

«Я не изменился, нет-нет...»

Я не изменился, нет-нет,
Я такой же, как был и прежде.
Я всё так же готовлю обед,
И хожу всё в той же одежде.

Я такой же веселый болван,
И смотрю всё на всех саркастично,
Только знаешь, сегодня я пьян
Твоим шармом, моя истеричка.

Нет сомнений, ты ведьма, всерьёз
Норовишь отобрать мою душу.
Ворвалась ты в мир моих грёз
И сказала, что я тебе нужен.

Я смотрел и не верил, что ты —
Та, которая снова заставит
Вспомнить тайные сердца мечты,
Находящиеся на грани.

Ты не сделала ничего
На поверхности гладкой и ровной,
Но взорвала там, где давно,
Всё работало лишь условно.

Точным выстрелом внутрь меня,
Снайпер-мастер, без всякой пощады.
Появляется день ото дня,
И дает чувства, словно награду.

Ну а я, мнимой жертвой, насквозь,
Обезумев, тобою пропитан.
Мозг эмоциям всё-таки врозь,
Когда сердце толкается битом.

Мне тепло с тобой, помни, я рад!
Этой ночью, клянусь тебе, точно
Я в любой самый мрачный ад
Лишь с тобою пойду бессрочно.

И плевать, что нам завтра воздаст,
По заслугам за бабочек стаю.
Есть сегодня, есть свет моих глаз,
И неловкое слово «скучаю».

«А я влюбился в свою боль...»

А я влюбился в свою боль,
Изо дня в день живу лишь ею.
Она мою гоняет кровь,
Вслепую делая сильнее.
Она во мне, закрыв глаза,
Запратала слова поглубже.
Когда не веришь в чудеса,
Хочется быть кому-то нужным.
Я полюбил её февраль,
Холодным душем зверя в клетке,
И буду, пусть через вуаль,
В её цепях марионеткой.
Она не скажет мне «прощай»
В минуты грусти дней весенних.
Огромна, словно неба край,
Одна для всей моей Вселенной.
Она со мной, в любой момент
Плечо подставит для упора.
Моя судьба, мой новый бред,
Всё очищает мою флору.
В неё влюблён, забыв про стыд,
В её ногах лежу покорно.
Пускай сей путь опять разбит,
Он слышит этот смех задорный.

«Не спеши хоронить осень...»

Не спеши хоронить осень,
Когда утром в окне белым мелом
С неба ясного снега подбросят,
Расстилая рукою умелой.

Когда столбик термометра вязко
Вдруг решает к нулю опуститься,
Ты не думай, что с желтой сказкой
Нам, наверно, пора бы проститься.

Посмотри на деревья: в их кудрях
Ещё много листвы неопавшей.
Пусть сегодня зима нос припудрит,
Ну а завтра вновь осень помашет.

По асфальту, как блестками, капли
Побегут песней мысли сердечной.
Она губит? Не слушай, навряд ли,
Осень шанс нам даёт на беспечность.

Она с нами за чашечкой кофе
Рассуждает о жизни причинах.
И, глядя в человеческий профиль,
Нас спасает от будней рутины.

С лиц смывая все минусы лета,
Плачет серым дождём, в днях теряясь.
Я не знаю, с чем ждёшь ты рассвета,
Мне же каждая осень – святая.

Я твой узник, владычица ветра,
Покоряюсь манящему шарму.
Мне бы поле на сто километров
И в тебе растворить свою карму.

Я прошу тебя снова и снова:
Не отдай меня в холод безликий.
Лучше быть без последнего слова,
Чем топтать вновь душевные крики.

Я люблю тебя, слышишь, останься,
Не бросай меня в день непогожий.
Пусть листва золотистым бьёт танцем,
Под аккордами ветра до дрожи.

Знай, что я, засыпая, мечтаю
Посмотреть утром, в семь или в восемь,
За окно, и тобой восхищаясь,
Прокричать: «Утро доброе, осень!»

«Грусть ударила одинокого волка...»

Грусть ударила одинокого волка,
Разорвав на фрагменты стремленья.
И всё то, что насыщено толком,
Стало вдруг в власти вероученья.

Край мятежный родной стал лачугой,
На пульсацию вен бросил вето.
Когда в мире твоём царит выюга,
Сам себе создаёшь своё гетто.

Чем дышать там, где прыскают ядом,
Как убить чувств любых начинанья.
Дверь любую равнять вратам ада —
Вот цена твоего покаянья.

И сейчас, с чашкой крепкого кофе,
Навсегда в пустоте растворившись,
Понимаю, что мои дороги,
Не пройти, перед тем не склонившись.

А когда ночь разбавится светом,
Озаряя пропавшие души,
Я уйду, и простите за это,

Слишком серый, а значит – не нужен.

Одинокая память некстати

Бьёт по самым больным разветвлениям.

Я себя перестал уже тратить,

И себя не молю о прощеньи.

«Я сплю, и мне снится ветер...»

Я сплю, и мне снится ветер.
Проснулся – поглубже в плед.
Я снова тебя не встретил,
Чтоб робко сказать привет.

И этот день был зачёркнут,
И ночь окутало тьмой.
Я так хотел слать всё к чёрту
И быть только рядом с тобой.

Смотрю одиноко в космос,
Молю, дайте шанс, небеса,
Очнуться: прохладная простынь,
Напротив – твои глаза.

Но только стартующим утром
Пить кофе опять одному.
И было б, наверное, мудро
Закончить эту войну.

Да нет, надеваю маску,
В прохожих ищу твой след.
Я верю, мол, не напрасно,
Ищу в сим тоннеле свет.

В какой стране, в чьём ты мире?
Быть может, и нет совсем
Тебя, или все забыли,
Создать с тобой общий Эдем?

Я жду тебя вечной мыслью,
Я мчусь, чтоб тебя обнять.
Хоть эго не видит смысла,
Зачем мне тебя возвращать.

Я ж верю, с тобой теплее
И ярче средь этих стен.
Я верю, ты слышишь, верю
В твой милый, родной плен.

Мой друг, приходи поскорее,
Внутри будоражит кровь.
И ты, потакая вере,
Верни в моё сердце любовь.

«Ты позови меня по имени...»

Ты позови меня по имени,
Когда кажется, что мир – пустыня.
Я скажу: «Смотри! Небо красивое,
И его ничто не отнимет».
Когда слезы бегут в бессилии,
Так, что выть в коридорах хочется,
Позови, пусть не дам в изобилии
Счастья нежного, милого, прочего.
Я прошу, позвони, и я ринусь вниз,
За тобой, дорогим мне созданием.
Для меня самый важный духовный приз —
Пять минут твоего внимания.
Покричи в трубку, как же непросто жить,
Разрыдайся немой усталостью.
Я хочу просто рядом с тобою быть
И утешить хоть самую малостью.
Я отдам себя так, чтоб завтра вновь,
Ты улыбкой развеяла тьму вокруг,
В моих жилах найдутся силы и кровь.
Позови меня в мир одиноких выюг.
Верным псом у твоих я улягусь ног,
Охраняя твой сон безмятежностью,
И никто не посмеет войти в чертог,
Обрамленный симфонией нежности.

Мне не жаль расставаться с своею игрой,
Перечеркивать мнимые линии.
Умоляю, возьми же меня с собой,
Позови меня тихо по имени.

«Помоги мне подняться с колен...»

Помоги мне подняться с колен,
Протяни свои теплые руки,
Я прошу. В этот сумрачный плен,
Захватила меня разлука.

Понимаю, как больно тебе,
В сотый раз я предал твою душу.
Знаю, сам не пришел в мольбе,
Когда больше всего был нужен.

Ты учила меня любить,
Строить мир четырьмя руками.
Как теперь еще день прожить,
Если он случился не с нами?

Моя слабость в твоих глазах
Превращалась в пустое место,
Я с тобою не ведал страх,
А сейчас в большом мире тесно.

Я боюсь. Одна мысль в голове,
Что на жизни дороге длинной
И при свете, и в тусклой мгле
Окажусь не твоим мужчиной.

Мое сердце – твое навсегда,
Я без страха, ведь этот мир наш.
Оно помнит, что ты никогда
Не сломаешь и не предашь.

Чтобы снова тебя обнимать,
Хватит сил у меня и терпения.
Даже вечность умеет ждать,
Пока смерть превратится в рождение.

Я в нас верю – всю жизнь на кон! —
Что в весеннее утро, однажды,
Жизнь вокруг будет знать об одном:
Ты пришла утолить мою жажду.

«Мабыць нехта вырашыў, што так і будзе...»

Мабыць нехта вырашыў, што так і будзе,
Менавіта сённяя сэрца ўскалыхнецца.
І па гораду снуючы, там, дзе людзі,
Яно твар твой выявіць імкнецца.

Не, я не шукаю спачування,
Не хачу паплакацца ў кашулю.
Проста кожны дзень ад спазарання,
Смутак па-братэрскі дух віншуе.

Мне бы ў вену спакою дозу,
Абыякавасці к пачуццям.
Ды эмоцый не ў рыфму, а ў прозу,
Каб сьвядомасьць не баламуціць.

Крыху талента ўзводзіць сцены,
Ад сваіх патаемных думак,
І надзею на перамены,
Скасаваць караначыю суму.

Не тануць у каханні спазнелым,
Ды людзей турбаваць адразу.
Не, не варта даваць няўмела,

Калі позна ўжо адказы.

Хутка ноч, калі цёмна – не страшна,

Адчуваць унутры вадаспады.

Сэрца скокне ў нябыт адважна

Ў пачатковы акорд лістападу.

«Сколько стоит наша жизнь?..»

Сколько стоит наша жизнь?
Она бесценна или с цифрой в нолик?
И есть ли в ней тот пресловутый смысл,
И в каждой – счастье вперемешку с пудом соли?

Родился, первый шаг – и сразу в бег,
Тропинкой, вроде бы ведущей хоть куда-то.
Как много суеты в короткий век,
И каждое движенье за оплату.

Вся наша жизнь – от старта до конца:
Детсад, работа, пенсия и кома,
Не замечая бледного лица
Из зеркала душой неокрыленной.

И вроде думаем, всё было неспроста,
И даже цели выбираем благородно.
И в понедельник с чистого листа
Проснуться утром стало очень модно.

Лишь только в миг, когда пора в полёт,
Осознаем утраченные звуки,
Когда сердце по-детскому поёт,
Избавившись от тягостной разлуки.

Мы догораем, не успев разжечь
Свечу, несущую в себе наш мир духовный.
Как много дел, как мало ярких встреч,
И всюду маски нравов и законов.

Я с трепетом держусь за эту ночь,
И нету ничего во мне дороже,
Ничто не сможет так же мне помочь,
Как помогла она беспечной дрожью.

И всех эмоций не пересчитать,
И не узнать, как часто сердце билось.
Смеяться, плакать, думать и мечтать,
Желая, чтоб моменты повторились.

Проснусь, а пред глазами лишь весы,
И смотришь в стороне самозабвенно,
Как жизнь по массе, глядя на часы,
Проигрывает ночи стуком в венах.

Там – годы, здесь – миг, несколько часов.
Материальный мир! Всего лишь числа!
А то, что избавляет от оков,
Не требует ни времени, ни смысла.

Теперь, поддавшись слабости в ногах,
Физически немного обессилив,
Я чувствую: душа, не зная страха,

Сегодня просыпается счастливой.

«В автобусе было слишком душно...»

В автобусе было слишком душно.
То ли водитель был добр, то ли людей много...
Восьмое января. Замученные, скучные,
Объединенный лица одной дорогой.

Неумолимо быстро летят даты,
И уже пришло обычное время,
Когда оцениваешь, вырос ли сегодня, ребята?
Мне кажется, нет еще, хоть в обратное верю.

Ах, как я просыпался в этот год бесснежный...
Никак – как всегда, привираю.
Новые цели, надежды,
Разбросаны по душе краю.

Я еще слишком мал, чтобы смотреть в небо,
Хоть летал сотни раз, но не отразилось
На полученном опыте, поэтому мне бы
Постараться, чтоб было, что брать в могилу.

Кому-то вскрывать свои вены подсознания.
Да, не все пропали – ты ведь читаешь это,
А значит, с тобой я делюсь отчаяньем

И желанием тянутся за сигаретой.

Я не мечтаю о прошлом, мне завтра не надо,
Сегодня, вроде как, тоже неплохо кормили.
Внутри – ни тепла, ни прохлады,
Ни мыслей, ни уникального стиля.

А нет, знаешь, я все-таки скучаю
По времени, когда выливалось проще.
Когда кричал: вы толпа, серая стая!
А я – волк-одиночка.

Как весело было писать,
Не суетясь, не лепя пирамиды,
Кричать, думать, мечтать, стогать,
Под задумчивым юным видом.

«Одиночество взяло верх,
Пробежалось по тонким струнам,
Я забыл, это мнимый успех.
Я забыл бросить память в урну».

Здорово, правда, столько красивых слов,
И рифма, привет музе, ложилась так ровно.
Больше трехсот стихов, больше трехсот оков
В моментах моих переломных.

Я стабилен, нормирован более чем,
Жизнь по времени, мачты все в кризисе,

И, по-моему, нравится этот плен
С независимостью в близости.

Конституция тела улучшена,
Улыбаюсь: «б.0» исполнение,
Только чуточку самую скучно мне
Со стабильным моим настроением.

Мне не хочется верить, что это всё.
Ни любви, ни тоски, ни жалости.
Завтра старый, некачественный поворот
Принесет тот же ком усталости.

Никакого протеста, тем более
Нет попытки посетовать с горечью.
Видно, сам своей личной волею
Расставался с нежностью полночи.
Я проеду, ты знаешь меня, мой друг,
Проберусь, подчиняясь активности.
Лишь убраться бы внутри молоточка стук,
Что твердит: «Нету необходимости».

Скоро путь завершится, пора домой.
Незнакомые образы пропадут,
Я останусь, для вас – свой, себе – чужой.
Непонятный душевный маршрут.

«Сколько раз я уже писал об этом...»

Сколько раз я уже писал об этом,
Сколько раз говорил: «Может, хватит?», —
И накладывал на общение вето,
Вырывал листы из тетради.
Сколько пальцем грозил, и грустил, и смеялся,
Где-то хлопал в ладоши и прыгал в безумстве,
Видно, мир на сегодня таким нам достался:
Все считают себя принадлежащим к искусству.
Наша жизнь – лишь театр, и у всех свои роли,
Каждый в пестром костюме с переливами красок.
И все бьют себя в грудь: вот мы, здесь же, в неволе!
Ну а в обществе, да, – в компании масок.
Нацепили, забыли и снова надели,
Не умылись, не вспомнили, новую взяли,
Растворились и даже ночами в постели
На себе с удовольствием их оставляли.
Нет, конечно, вы лучше, умнее, добрее
Где-то там, в недрах душ, под запретом для взгляда.
Пусть все думают, будто я проще, глупее,
Это маска, не я. Мне так надо.
Ха! Позеры, как чудно под жопу солому
Подложить, дабы падать помягче для Эго.
Оправданья себе самому давать – норма,

Как декабрь и город без снега.

Ух, сарказмушка, прёт тебя! Я же давеча

Заклинал бросить в ящик, забить безвозвратно!

Видно, выбрался. Ладно, привет, добрый вечер,

Мне с тобою вполне приятно.

Настоящие люди кричат, что есть мочи,

Про их мир совершенств без намордников тяжких,

Видно, трудно признать, да и кто же захочет

Самовольно запрячься в упряжку.

Кто захочет сказать: «Я – ничто, нету масок,

Это я, в неглиже, не боясь своих очей»?

Нет, Евгений, забейте, напрасно, напрасно,

Не подпишут, осудят, соскочат.

Я с неделю назад с своим критиком милым

Обсуждал мимолетом сей нонсенс планеты.

Человек не другой, человека накрыла

Вера мнимая в масок гетто.

Я свой ритм собою, но термин пришедший

Нам на ум, написать? – Да! Пиши!

Принимайте, товарищи, новый хлыст в плечи:

Перманентный макияж души.

«Мне важно, как ты засыпаешь в ЭТОТ МОМЕНТ...»

Мне важно, как ты засыпаешь в этот момент,
С какими мыслями, в каком самочувствии.
Ты в темноте или включила свет,
Маленький огонек, исходящий от люстры.

Мне важно, достаточно ли сегодня мир
Подарил тебе тепла и улыбок искренних,
Не добавилось ли в сердце новых дыр,
Наполнился ли мозг новыми смыслами.

Мне нужно знать, что ты тепло одеваешься,
Успеваешь с завалами предстоящей сессии,
Ты у меня умница, всегда стараешься,
Чтобы было продуктивно и весело.

Мне хочется верить, что тебя никто даже в мыслях
Не обидел, не нарушил юного покоя.
И что дни не превратились в обычные числа
Без ярких красок, подвигов, героев.

Я помню, ты у меня совсем большая,
Сама всё держишь под четким контролем.
Умеешь встать против стаи

И улыбаться сквозь приступы боли.

Представляю, как глажу твои волосы,
Ты вырываешься, убегаешь, кричишь: «Догони!» —
И я, сквозь черно-белые полосы,
Бегу вслед, послав к чёрту все дни.
И в полутемной комнате, сомкнув руки,
Наслаждаясь моментом уединения,
С неловкостью радуемся ушедшей разлуке
И за срок её просим прощения.

Знаешь, я так счастлив с тобой, не передать словами
Это ощущение крыльев, и за спиной – ветер.
Только одно «но» между нами:
Жаль, что я тебя пока ещё не встретил.

«Наверное, пришел и мой час...»

Наверное, пришел и мой час.
Может быть, очередь подошла:
Момент, когда последняя эмоция предаст,
И душу окутает мгла.

Невероятно сложно проститься с этим,
Да и не хочу прощаться, честно.
Я люблю, когда внутри теплый ветер
Не позволяет мозгу сесть в кресло.

Просто смотрю, что мир более усердно
Атакует моё подсознание,
И, как бы ни было скверно,
Оно ломается в отчаянии.

Уже второй круг после той, что взорвала,
Второй мир высушивает бабочек.
А я всё пытаюсь разглядеть в новых стеклах вокзала
Элементы прошлых тапочек.

Меня всё ещё держит на плаву желание
Верить, что здесь оценят тепло и нежность,
Лишь каплю обоюдного понимания
С горячим стуком под одежду.

Нет, здесь тоже достаточно просто
Пояснили, что не нуждаются в глазах верных,
Достаточно порно жесткого,
С непересекающимися взглядами на стены.
И я уже привыкать начинаю к этому,
Что секс – не любовь, а вожделение.
Что не обязательно питать эмоции светлые
И за оплошности просить прощения.

И я уже становлюсь чуть похожим
На новый эталон возрастной категории,
Когда плевать, во что ты одета, когда ветер до дрожи,
Плевать, что нет записей в общей истории.

Неважно, что беремся за руки, потому что надо,
Что нет места поцелуям в ладони,
Неважно, что в душе прохлада,
Необязательно знать, что она стонет.

Да, сложно пока, разрывает на части,
Изнутри бьет то, что не в цене сегодня.
Запах её духов как фрагмент страсти,
Уже не совсем модно.

Да и вроде не прошу розовых соплей,
Криков: «Мимими, любимый, милый!».
Просто охота слышать: «Эй, смотри, с ней,
Какой идет парень счастливый».

Просто иногда слышать, что нужен,
Что являюсь опорой и теплым одеялом.
Просто готовить совместно ужин
И смотреть, чтобы ночью не раскрывалась.

Слышать ее в трубке дыхание,
Чувствовать, как беснуется эйфория,
Привычное «скучаю» на прощание,
И приятно-редкие крылья.
Возможно к лучшему это всё,
Что перестраиваться начал под лад заточенный,
Сердце не обидится и перенесет.
Просто даже фальшивого счастья хочется.

Ну вот, вылетело ещё одно, о котором не расскажу.
Привет моим глазам, всё наладится, верьте.
Сами знаете, что не для себя пишу,
Скорее, для щелки в закрытой дверце.

«Я попробую еще раз...»

Я попробую еще раз,
Попытаюсь сумбурно, невнятно,
Описать чутка всем напоказ
Свои внутренние пятна.

Я писал очень много, всерьез,
Каждый раз начиная усердно.
Большинство мозг сказал мне: «Отбрось», —
Ну а этот, Окей, худо-бедно.

И среди сотни сырых мертвых строк,
С несвершившимся, жаль, финалом,
Завершил только эти, впрок.
Видно, сердце писать перестало.

За два месяца – тридцать стихов,
В четырех я поставил точку.
Остальным не хватило слов,
И пропали с открытой строчкой.

То ли выдохся, то ли устал,
То ли жизнь запестрила иначе,
Иль везде оголяю оскал,
А не тихо над чувствами плачу.

Может много чего есть сказать,
Что летит все одно на другое.
Просто все же вам лучше не знать
Об утратах на поле боя.

Или белкой залез в колесо
И кручусь без эмоций на месте,
В пустоту бросив стрелки часов,
Не печален, но и не весел.

Жаль немного. Недавно ведь как:
Чуть под зад жизнь даст – сразу за ручку,
Описать про души кавардак,
С рифмой жесткой, да чтобы покруче.

Заявить, как обижен на мир,
Нелегко как дышать в нем поэту,
Что-то там про дерьмо и зефир,
Про последний закат и рассветы.

А сейчас через силу чуть-чуть
Побрюзжишь о разбитом сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.